

Холод проскользнул в уши, и сознание Шу Сяньюй постепенно прояснилось.

— Что в прошлом, что сейчас — я испытываю к тебе по большей части лишь чувство вины, понимаешь?

Низкий, полный раскаяния голос прозвучал подобно острому клинку.

Она снова произнесла слова, которые шли вразрез с её сердцем. Она ведь всё ещё глубоко любила её, она ведь едва не умирала от боли, она ведь не могла отпустить и забыть. Но она не могла иначе — она была не в силах дать ей то, чего та желала, не могла решиться бросить всё ради неё.

Вина!

Оказывается, то, что она принимала за чувства, было лишь следствием её вины!

Её отношение, прошедшее путь от жалости и притворства в прошлом до нынешнего раскаяния, не имело ничего общего с любовью! Она действительно никогда её не любила...

Кипящее пламя в груди в одно мгновение было залито ледяной водой. Волны холода нахлынули на неё, лишая всякой способности сопротивляться.

Си Молинь, подавляя разрывающую душу боль, не сдержала горькой усмешки прямо у неё над ухом. Через мгновение она с трудом поднялась, вытерла слезы с лица, и её взгляд стал ясным. Она наконец увидела ту, которую из-за помутившегося рассудка довела до такого состояния.

Что же она натворила...

Она, не задумываясь о последствиях, позволила себе подобное в родном доме!

Быстро придя в себя, она без колебаний отвесила сама себе пощечину. Какая же она, черт возьми, дрянь!

Она тешила себя иллюзией, что сможет сохранять самообладание, но стоило той лишь немного спровоцировать её словами, как она тут же сбросила маску и окончательно потеряла голову.

— Прости, я неправильно всё поняла...

Си Молинь отвернулась. В её глазах осталась лишь пустая, бесконечная безнадежность, а голос звучал скорбно и смиренно.

— На самом деле... у меня просто была навязчивая идея. То, что случилось много лет назад, ты, возможно, уже давно забыла, но для меня это словно заноза, глубоко засевшая в сердце. Если говорить о любви, то сейчас об этом уже не может быть и речи. Не беспокойся, впредь такого не повторится, я больше не буду тебя тревожить...

Она нетвердой походкой поднялась, натянула на неё плед, лежавший рядом, и пробормотала:

— Я пойду вниз, побуду в тишине... Татуировку на теле лучше сведи. Раз уж она не имеет никакого смысла, не стоит её оставлять...

Си Молинь, так и не успевшая одеться, кое-как влезла в тапочки и, словно сломленная, направилась к выходу.

— Момо...

Глухой, полный слёз голос Шу Сяньюй внезапно прорезал тишину комнаты, в которой стало холодно, как зимой.

Си Молинь замерла, стоя к ней спиной, и не проронила ни звука.

— Прости... Я лишь хочу, чтобы ты не ненавидела меня...

Эти умоляющие, полные раскаяния слова стали невидимыми оковами, намертво сковавшими её неподвижное тело. Она слегка вскинула голову, на губах заиграла самоироничная и холодная усмешка. Разъедающая боль уже сделала её нечувствительной.

— Не волнуйся, я обязательно сделаю так, как ты хочешь...

Ответ, лишенный всякой эмоциональной окраски, звучал так, будто они стали совершенно чужими людьми.

Когда Шу Сяньюй, опираясь на руки, села, дверь уже была закрыта — она ушла.

В комнате воцарилась тишина.

Она сжала плед, уткнулась лицом в колени и разрыдалась. Это чувство разрывающей сердце боли было таким знакомым и в то же время чужим. Даже спустя четыре года они всё ещё не могли любить друг друга и быть вместе, всё ещё вынуждены были причинять друг другу боль.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она, немного успокоившись, надела ночную сорочку и вернулась в свою комнату. В тот миг, когда она закрыла дверь, ей захотелось

окончательно отсечь этот миг слабости. Сейчас, когда она закалила своё сердце, превратив его в неприступную крепость, она прекрасно понимала, что эти неуместные желания лишь принесут им обоим страдания, так к чему было снова поднимать волны?

Она залпом допила остатки вина из бутылки, и бесконечные слезы снова покатались по её щекам.

О чём она вообще думала сегодня вечером? Что творила?

Они ведь столько времени жили порознь, почему она снова потянулась к ней? Неужели она хотела, чтобы та снова пережила ту мучительную разлуку?

Её мысли были низкими и смехотворными.

Она, пьяная, легла в кровать, а затем набрала номер Чэн Чэня:

— Закажи мне билет до Пекина на завтра. Пусть Сюй Лэй приедет за мной пораньше...

Повесив трубку, она свернулась калачиком под одеялом. Желудок сводило, а сердце болело до предела.

Си Молинь тем временем тайком взяла на кухне упаковку пива и ушла в сад при вилле. Она быстро выпила две банки — ей нужно было охладиться, нужно было снова запереть это беспокойное сердце на замок.

Раньше она всегда ошибочно принимала нежную привязанность за чрезмерно раздутую любовь. Сестра всегда баловала её, и со временем она увязла всё глубже, в итоге пожав плоды своих ошибок.

Времена изменились, а она всё ещё витала в облаках. Воистину, алчные люди настолько бесстыдны.

Алкоголь медленно ударил в голову, а опустошенное, холодное сердце продолжало тупо ныть.

Она не знала, сколько ещё ей придется тонуть в этих чувствах, не имеющих будущего, прежде чем она обретет свободу. Что нужно сделать, чтобы окончательно забыть её? Ей так, так хотелось это знать...

Когда она допила всё пиво и вернулась в комнату, лишь смятая постель напоминала о том, что произошло сегодня вечером.

Снова легши в кровать, она ощутила, как на неё, словно цунами, обрушилась невиданная доселе усталость тела и души. Она словно провалилась в бездонный океан, погружаясь в него всё глубже...

На рассвете Сюй Лэй приехал в дом семьи Шу, чтобы забрать её.

Си Молинь, выпившая накануне и почти всю ночь промучившаяся в кошмарах, чувствовала себя разбитой, но, как обычно, спустилась вниз на пробежку. Там она случайно столкнулась с Шу Сяньюй, которая собиралась уезжать вместе с Сюй Лэем.

В свете лампы в прихожей Шу Сяньюй, одетая в неброскую одежду, выглядела изможденной. Она не стала скрывать своего тяжелого взгляда, устремленного на Си Молинь. Вчерашняя сцена, полная несдержанности, тоски и ревности, казалась теперь чем-то нереальным, словно дурным сном.

Она ведь могла четыре года холодно и сдержанно не общаться и не видеться с ней, но стоило той вернуться, как она, поддавшись внезапному порыву, снова непонятно зачем начала её провоцировать. Теперь, окончательно придя в себя, она могла лишь жалеть о содеянном.

Сюй Лэй, увидев, что они, кажется, хотят о чем-то поговорить, решил отнести немногочисленный багаж в машину.

Шу Сяньюй, заметив на ней спортивный костюм и бледное, осунувшееся лицо, нахмурилась и сказала низким голосом:

— Твоя рука еще не зажила, разве нельзя отдохнуть пару дней, прежде чем тренироваться?

Си Молинь стояла в проходе с равнодушным видом:

— Я привыкла...

Привыкла. Всё у них было привычкой!

Точно так же, как раньше она привыкла быть рядом с ней, теперь она привыкла к тому, что её нет рядом.

Шу Сяньюй опустила глаза, на её губах появилась смиренная улыбка. Она с грустью вздохнула:

— И правда, за четыре года мы обе привыкли, что рядом нет друг друга...

Си Молинь, стоя в полумраке, молча смотрела на неё. В её глазах теплился какой-то неясный,

темный свет, но она не знала, что еще сказать.

Возможно, та никогда не узнает, какой ценой ей далась эта привычка!

Случившееся прошлой ночью вновь опустило их отношения до точки замерзания. Смогут ли они в будущем общаться непринужденно — оставалось загадкой.

— Мне пора на самолет, я не могу тебя сопровождать. Увидимся, когда будет время...

Шу Сяньюй больше не смотрела на неё, развернулась и вышла. Лишь когда послышался шум отъезжающей машины, Си Молинь подошла к прихожей, чтобы переобуться.

Но всего за несколько минут её настроение, только что казавшееся стабильным, упало настолько, что у неё не осталось сил даже на пробежку.

Сидя в машине, Шу Сяньюй крепко сжимала телефон, её губы были сжаты в тонкую линию. Она не могла позволить своим чувствам взять верх — сохранять такую дистанцию действительно было лучшим решением для них обеих.

Когда Си Молинь вышла из дома, машин снаружи уже не было. Она стояла у ворот, глядя на конец дороги, едва различимый в свете уличных фонарей. Сердце, которое должно было оставаться спокойным, сейчас невыносимо болело...

Когда Шу Сянцзюнь спустился к завтраку и узнал от Ян Юйфэнь, что сестра уехала, он тут же отложил кусок хлеба и, стараясь не попасться на глаза родителям, подбежал к Си Молинь, которая поливала цветы в саду.

— Деревяшка, ты знаешь, что сестра уехала? — нетерпеливо спросил он.

— Знаю.

Шу Сянцзюнь, поглядывая на столовую, где находились родители, понизил голос:

— И она сказала, когда вернется?

— Нет.

Видя её равнодушие, Шу Сянцзюнь недоумевал:

— Тебе совсем не больно и не грустно?

— Нет.

— Черт возьми! Какая ты невозмутимая.

Неужели та драма, которую он случайно подслушал прошлой ночью, закончилась вот так? Без всякого продолжения?

— Так что вы с сестрой на самом деле думаете? Вы правда не хотите сойтись снова?

Си Молинь закончила поливать цветы и убирала шланг. Казалось, ответ на его вопрос у неё был готов давно.

Она поднялась и серьезно посмотрела на него:

— Шу Сянцзюнь, запомни: мы с ней навсегда останемся только сестрами, никаких других отношений между нами быть не может. Больше никогда не говори об этом.

Сказав это, она развернулась и ушла из сада, оставив Шу Сянцзюня в недоумении.

Вернувшись в комнату, Си Молинь нашла в углу под кроватью подарок, который так и не смогла вручить лично. Она смотрела на него и невольно пробормотала с самоиронией:

— Моё существование для тебя всегда было лишь обузой, от которой невозможно избавиться...

Она подняла взгляд, и легкая, равнодушная усмешка растворилась в её вздохе:

— Хотя я и бестолковая, но понимаю, о чем ты беспокоишься. Не волнуйся, больше такого не повторится...

Через пару дней Шу Сянцзюнь из-за дел по работе уехал в Ханчжоу.

Си Молинь, оставшись дома, днем сопровождала папу Жун и маму Ян в прогулках по Цичжоу, а вечерами встречалась со старыми одноклассниками, которые остались здесь работать. Параллельно она заказывала в интернете снаряжение для поездки в Тибет. Жаль только, что её лучшая подруга Фан Тянь уехала в другую провинцию на задание, и к тому времени, как она вернется, Си Молинь, возможно, уже отправится в путь.

В последующие дни она с подарками отправилась в старый район, чтобы навестить дедушку Лю, своего спасителя из детства.

Дедушка Лю был уже стар, страдал от старческого слабоумия, и его рассудок становился всё

более туманным. Семья наняла сиделку, чтобы ухаживать за ним. Увидев Си Молинь, дедушка Лю уже не вспомнил, кто она такая — он даже собственных детей перестал узнавать.

Оставив подарки и немного денег, Си Молинь не стала задерживаться и ушла.

Время беспощадно стирает память, красоту, чувства и тело, пока человек не превращается в совершенно незнакомого самого себя.

А самые близкие люди могут лишь смотреть на это, не в силах ничего изменить...

Выйдя из дома дедушки Лю и пройдя через три старые улицы, можно было добраться до родового гнезда семьи Шу на улице Янпу.

Хотя старый город постепенно приходил в упадок, здесь всё ещё оставалось немало старожилов. Возможно, когда-нибудь эти места тоже пойдут под снос.

Несмотря на то, что она давно здесь не была, Си Молинь отчетливо помнила всё, что было связано с этим старым домом.

Доехать на машине до главной улицы Янпу можно было быстро, но переулки возле дома были узкими, проехать на машине было затруднительно, а развернуться — и вовсе невозможно. Ей пришлось оставить машину снаружи и идти пешком.

Почти все дома здесь были отдельно стоящими, а узкие переулки сильно изменились.

Бетонное покрытие постарело, повсюду были трещины и выбоины, но в целом было довольно чисто. Деревья, посаженные жильцами, выросли и стали густыми, маленькие фонари заменили на большие, а внешние стены выкрасили в кремовый цвет и украсили позитивными лозунгами — всё выглядело по-новому.

Подойдя к старому дому, она увидела, что железные ворота заперты на замок, а двор зарос сорняками. Большое дерево османтуса, видимо, давно никто не подстригал — оно стало еще толще и гуще, а под ним скопилось немало опавших листьев. Похоже, папа Жун и мама Ян заглядывали сюда нечасто.

Она приехала сюда в тринадцать лет, а в двадцать два вернулась на родину — целых девять лет она провела здесь.

В её памяти всплывали картины теплых, счастливых и простых дней, проведенных здесь с семьей Шу, — всё это казалось таким близким, словно происходило вчера. А время пролетело, и они уже совсем не те, что были тогда.

Это место хранило как её наивную, невинную тайную любовь, так и бесценную теплоту и заботу. Какое бы чувство это ни было, для неё оно оставалось драгоценным.

Сожаления неизбежны, а события прошлого стали тайной. Как бы она ни старалась смириться, финал было не изменить, оставалось лишь идти вперед.

Уходя, она сфотографировала старый дом на память.

На следующее утро, около девяти часов, она снова купила подарки и фрукты, собираясь навестить бабушку Фан Тянь, Сюй Юньхуа — своего учителя на всю жизнь.

<http://bllate.org/book/21505/2204351>